

Анархизм без прилагательных

Кевин Карсон

02.02.2015

Складывается впечатление, что схематические модели нового общества очень популярны среди всех людей, называющих себя анархистами какого-либо толка. Справа мы видим ротбардианскую модель всего общества, которая полностью построена на «либертарианском правовом кодексе», основанном на аксиомах вроде самопринадлежность и принцип неагрессии. Обращаясь к истории левых анархических идей, мы увидим такие неизменные модели, как синдикализм или кропоткинский коммунизм. Ту же тенденцию можно проследить и среди таких квазианархических либертарных социалистических моделей, как Де Леонизм и Мировое социалистическое движение. Последнее собирается построить коммунистическое общество путём убеждения всех стран на земле выбрать их чёткую схему организации при помощи политических процессов за короткое время. И если вам кажется, что это всё ещё недостаточно плохо, то есть ещё экономика участия. Господи, помилуй!

«Анархизм без прилагательных» стал реакцией на такое доктринёрское моделестроительство и конфликты между сторонниками различных всеобъемлющих планов возведения нового общества. Самым известным из них был конфликт между индивидуалистами, представленными Бенджамином Такером, и коммунистами, представленными Йоганном Мостом. Но впервые этот термин начали использовать два испанских анархиста: Рикардо Мелла и Фернандо Террида дель Мармол (которого в Лондоне в 1897г. встретила Вольтерина де Клер). Эррико Малатеста и Макс Неттлау приняли эту позицию, а Вольтерина де Клер и Дайер Лам стали её наиболее известными приверженцами. Основная идея заключалась в том, что анархисты должны перестать враждовать насчёт экономической модели будущего анархического общества и позволить людям самим выработать её, исходя из своих собственных соображений. Такие экономические теории, как мютюэлизм Прудона, свободное предпринимательство Такера и коммунизм Кропоткина взаимодополняют друг друга, и в постгосударственном обществе от одного региона к другому, от одной социальной группы к другой зацветут сотни цветов.

За что-то подобное выступал и Дэвид Грэбер. Он сомневается, что нечто подобное на анархо-капитализм может просуществовать в крупном масштабе достаточно долго и большинство людей будет согласно работать по найму на меньшинство, пока есть относительно лёгкий доступ к средствам производства и нет полицейских, кото-

рые будут прогонять со свободных земель. В конце концов, «господское» отношение Робинзона Крузо к Пятнице определялось тем, что он уже «присвоил» целый остров и имел мушкет. Но пока экономические соглашения являются предметом переговоров между равными и никто не может позвать людей с оружием, чтобы навязать свою волю другим, то лучше просто с удовольствием подождать и посмотреть, что будет дальше.

Итак, что мы можем сказать об общем устройстве безгосударственного общества? Во-первых, оно возникнет в результате постепенного износа, иссыхания и отступления таких крупных иерархичных институтов как государство, корпорация, крупный бюрократизированный университет и т.д. Главным образом оно будет основано на определённого рода горизонтализме (который продемонстрировали арабская весна, движение против жёсткой экономии и «Оккупай Уолл-стрит») в сочетании с самоуправляемыми местными институтами. Во-вторых, его структурными блоками будут контринституты, которые будут появляться везде уже сейчас, чтобы начать заполнять пустоты, которые создаёт разрушающееся государство и корпорации: коммунальные сады, экологичное земледелие, сквоты, хакерские пространства, альтернативные валюты, совместное производство, экономика дарения и вообще все основанные на добровольной кооперации формы социальной организации, а также новые суперэффективные технологии мелкосерийного производства. В третьих, в дополнение к тому, что оно отражает любую идеологию вообще, это общество будет довершено к таким ценностям, как самодостаточность, свобода, кооперация и социальная солидарность. Но конкретные черты будут выработаны тысячами различных способов, слишком разнообразных, чтобы их можно было словесно описать в виде какой-либо модели вроде «коммунизм» или «рынок» (в смысле денежного обращения).

Я предвижу широкое разнообразие мелкомасштабных образований и внутри сообществ, и между ними: в рабочих коллективах, коммерческих фирмах, кооперативах, одноранговых компьютерных сетях. Многосемейные социальные ячейки вроде сквотов, коливингов и шведских семей могут сами претворять в жизнь автаркичный коммунизм и использовать преимущества мелкосерийного производства, чтобы удовлетворить большинство своих потребностей собственным трудом, а недостающее получить путём рыночного обмена. Права собственности на землю и средства производства будут различаться от одного сообщества к другому.

Даже если мы решим начать с самых базовых понятий, как самопринадлежность и принцип неагрессии в их самом широком понимании (причём большая часть анархического движения уходит корнями в философскую традицию, которая рассматривает эти слова только как объект манипуляций), то это не будет иметь большого значения в контексте реализации конкретных правил на их основании. Руководствуясь самыми базовыми аксиомами, как самопринадлежность и принцип неагрессии, невозможно разработать какие-то конкретные правила, которые были бы и очевидны, и необходимы, как (например) если бы у меня было право вмешаться, чтобы оградить животное от жестокого обращения со стороны своих «хозяев» или какие специфические правила должны распространяться на права сквотеров, когда они занимают давно заброшенное здание.

Даже само определение физического насилия по отношению к личности за немногими исключениями определяется культурой. Окружающая среда воздействует на физическое тело миллионом различных способов, и различие между агрессивными и неагрессивными способами (как фотоны и звуковые волны, которые физически воздействуют на органы чувств и впоследствии на нервную систему и внутреннее психическое состояние) во многом арбитранно. То же самое справедливо и для различного определения границ между личностью и окружающей средой в разных культурах, насколько окружающая среда не может рассматриваться как часть человеческого тела и может ли она рассматриваться сама по себе или как оболочка «личного пространства». Обратите внимание, что общее правовое понимание оскорбления предполагает такую пространственную оболочку и включает факт физического соприкосновения к чьему-либо телу собственным.

Любое постгосударственное общество будет включать личности и сообщества, которые будут придерживаться конфликтующих мнений касательно того, что обозначают «свобода», «автономия» и «права». Какой бы разработанный в коммуне правовой кодекс ни использовался, он должен основываться не на очевидных логических выводах из аксиом, а на постоянном взаимодействии между отдельными личностями и группами, защищая их различное понимание прав и свобод. И он будет составлен после подобных конфликтов путём обсуждения медиативными и судебными органами.

Иными словами, нам надо тратить меньше времени на то, чтобы, проектировать либертарную утопию будущего вплоть до еды и архитектуры, как Томас Мор, и уделять больше времени общению с соседями и тому, как взаимодействовать и уживаться с государством, которое указывает нам, что делать.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Кевин Карсон
Анархизм без прилагательных
02.02.2015

anarchism-w-o-adjectives
Перевод создан участниками переводческого кооператива "Метаконкисты"

ru.theanarchistlibrary.org